

УДК 94(47).043 ББК 63(2) 45

М. Б. Бессуднова

«АПОЛОГИЯ» МАГНУСА ГОЛШТИНСКОГО ИЗ ШВЕДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА

Герцог Магнус Гольштинский, брат датского короля Фредерика II, известен прежде всего тем, что в 1570 г. перешел в подданство к Ивану Грозному, который пожаловал ему звание «короля Ливонии». С его именем связан ряд эпизодов Ливонской войны 1558–1583 гг., среди которых особое значение имеет неудачная осада Ревеля (Таллинна) в 1570–1571 гг. В начале 1578 г. он перешел на сторону польского короля Стефана Батория и поселился в принадлежащей тому Курляндии.

У современников «ливонский король» снискал себе сомнительную славу. В окружении царя с ним особо не церемонились, обращаясь с ним порой почти как с узником.

Ливонские хронисты второй половины XVI в. видели в нем причину многих горестей, выпавших на долю их родины, а в Западной Европе его воспринимали как предателя интересов «христианства» и пособника кровавого русского «Тирана». Историки XIX–XX вв., обращавшиеся к фигуре Магнуса Голштинского, в целом также отмечают его заурядность, но при этом не упускают из вида феноменальность исторической ситуации, в центре которой тот оказался волею судьбы¹. Служба западноевропейского принца Ивану Грозному и его участие во внешнеполитических маневрах этого государя, равно как и характер пожалованного ему звания «короля Ливонии», не раз становились объектами исследований, что в немалой степени стимулировалось большим количеством освещающих этот сюжет источников. Наряду с русским и зарубежным нарративом, историки располагают довольно обширной подборкой опубликованных документов², которые, впрочем, представляют лишь небольшой фрагмент неизданных рукописных свидетельств, хранящихся ныне в российских и, главным образом, в зарубежных архивах³.

Большое количество документов, касающихся Ливонской войны, находится в Шведском государственном архиве (Riksarchivet, RA) в Стокгольме. Так, в фонде Livonica I нами был обнаружен рукописный фрагмент так называемой «Апологии Магнуса»⁴, полный текст которой известен исследователям по идентичным рукописям, выполненным одной рукой, из Государственного архива Дании в Копенгагене⁵

¹ Busse K. H., von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1855. Bd. 8. S. 240–301; Schiemann T. Magnus, König von Livland // Schiemann T. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Mitau, 1877. S. 77–102; Hansen G., von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revalsches Ratsarchivs // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. Bd. 3. Reval, 1887. S. 264–329; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893; Kirschner W. The Rise of the Baltic Question. Newark, 1954. P. 115–119, 136–144; Donnert E. Der livländische Ordenritterstaat und Russland: der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin, 1963. S. 181; Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn, 1972. S. 65–67; Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988. S. 137–158; Hübner E. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1998. S. 313–334; Adamson A. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract). Tallinn, 2006. 18 p.

² Перечень публикаций источников см.: Renner U. Herzog Magnus von Holstein... S. 155–156; Adamson A. The Role of Duke Magnus... P. 5–6.

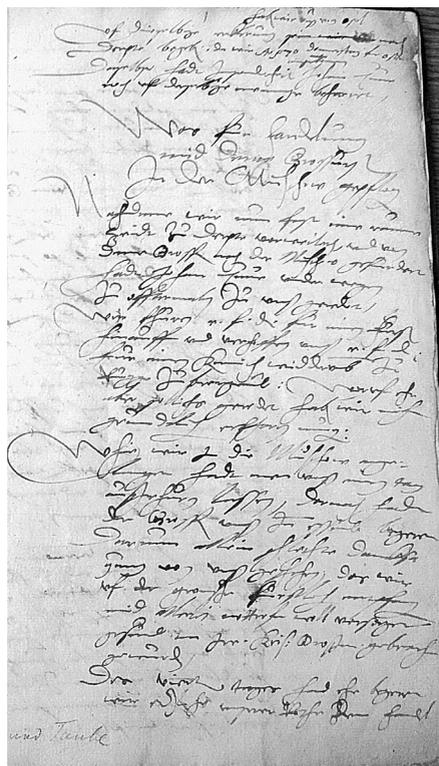
³ См.: Baltic Connections. Archival Guide to the Maritime Relations of the Countries around the Baltic Sea (including the Netherlands) 1450–1800 / Ed. L. Bes [u. a.]. 3 vols. Leiden [u. a.], 2007.

⁴ Riksarchivet. Livonica I. Vol. 24. Livo-Moscovitica.

⁵ Rigsarkivet i København. TKUA. Speciel Del. Livland. A III. Tillæg nr. 3. 1560–1569. Оубл.: Ensen F. P. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // Danske Magazin. Ottende Række, 1975. Femte Bind, 54–83.

и из Государственного архивного хранилища (Staatliches Archivlager) в Геттингене⁶. Рукопись из RA содержится в папке «Livo-Moscovitica»⁷ и представляет собой запись, выполненную во второй половине XVI в. на листах in 4°, которые сброшюрованы в тетрадь и снабжены бумажной обложкой недавнего происхождения. На обложке имеется архивная пометка «Переговоры с русским великим князем и Дерптом. 1570» (Förhandlingar med ryske storfursten i Dorpat. 1570).

В силу своей фрагментарности, шведский экземпляр «апологии» никогда не попадал в фокус внимания историков, хотя он представляет определенный интерес.

Первая страница текста «Апологии» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива

Содержащееся в нем повествование охватывает временной промежуток с 1570 по 1573 гг. — с приезда Магнуса в Москву и до его примирения с царем после размолвки, вызванной провалом осады Ревеля и бегством принца на о. Эзель (Сааремаа). Это составляет менее четверти объема полной редакции, однако надо учитывать, что именно на этот период приходилась кульминация развития отношений принца с Иваном Грозным. К тому же, в целом совпадая с текстом конечной, копенгагенской редакции, документ из Стокгольма имеет довольно существенные отличия, которые заключаются в пропуске отдельных фраз и вставках дополнений, содержащих сведения, отсутствующие в датской рукописи. Вкупе с различиями в орфографическом оформлении эти разночтения позволяют видеть в шведской «апологии» ее особую, возможно, более раннюю редакцию. Не исключено, что речь идет о черновике. Во всяком случае, в ней присутствуют следы редакторской правки в виде зачеркнутых или приписанных слов, а также многочисленных ремарок на полях. Малоразборчивая канцелярская скоропись, которой выполнен документ, также свидетельствует о его черновом характере.

Как уже было сказано, служба Магнуса Голштинского русскому «Тирану» давала западноевропейским государям основание видеть в нем предателя. Положение усугублялось неприязнью, которую питал к брату датский король Фредерик II, полагававший, что своей ливонской авантюрой тот поставил под угрозу датско-шведские договоренности 1570 г. Бегство Магнуса из Ливонии, сделавшее его недостижимым для русского царя, в его отношениях с европейскими государями мало что изменило, и потому

⁶ Ныне находится в Шверине: Schwerin, Auswärtiges Amt 229. Livoniae 1571–1584.

⁷ Бессуднова М. Б. «Livo-Moscovitica» в Шведском Государственном архиве (Стокгольм) // Архивы и история Российской государственности. Вып. 3. СПб., 2012. С. 17–27.

герцог, оказавшийся в положении политического изгоя, вскоре после побега приступил к написанию своей «Апологии», которую закончил, судя по упоминаемым в ней событиям, к концу 1579 г. Создание этого сочинения, как отметила издатель копенгагенской рукописи Ф. П. Енсен, точно совпадает со временем осуществления многочисленных дипломатических демаршей, посредством которых Магнус стремился примириться с братом и тем самым вернуть себе владения на Сааремаа и в Вике (Ляэнемаа), а также расположить к себе влиятельных родичей, дабы при их содействии восстановить свое реноме и вернуть благоволение европейских государей⁸.

Вместе с тем, несмотря на столь откровенный прагматизм и апологетизм, при составлении данного документа были использованы не только живые впечатления очевидца и непосредственного участника описываемых событий, но и архивный материал, о чем, в частности, свидетельствуют ссылки на вполне конкретную деловую документацию, что повышает значение «Апологии» как исторического источника.

Uf dieselbige erklerung haben wir von Osel nach Derpte begeben, da wir a(nn)o 70 donerstag fur ostern (angekommen. — М. Б.). Dasselbst hadt inn sonderheit Johann Tauve noch uf dieselbige menunge beharret.

WAS FUR HANDLUNG MID DEME GROSFURSTEN IN DER MUSCHOW GEPFLOGEN

Nachdeme wir nun fast eine raume Zeidt zu Derpte vorweilenden und un(s) deme Grosf(ursten) noch der Mosckow gefurdert, hadt Johann Tauve under wegen zu offtermalen zu uns geredet, wier fhuren e. f. d. fur einen fursten hinauff und verhoffen unß e. f. d. fur einen konnich widderumb zurugge zu brengende. Woruf ehr aber sollichs geredet, haben wir nicht grundtlich erfahren mugen.

Whie wir in die Muschow angelanget, hadt man unß einen dag ausrhuen lassen, dornach hadt der grosf(urst) unß zu essende begeret, dar nun allein schlechte dancksagung von unß geschehen, das wir uf der grenzte furstlichen e(a)mpfangen mid allerlei notturfñ woll vorsorget gesund an ire keis. großm. gebracht wurden.

Des virten tages had ehr begeret, wir etzliche unserer rethe zu dem handel [1v] (z) wisch(en) im und unß mid seinen darzu deputierten Rethen zu tractiren verordnen wolten. Also nun seine sowoll unsere Rethen in ein sonderlich hauß fur dem schlosse Muschow zusammeln gekomen, hadten seine Rethen begeret, unsere Rethen unseret halben sich erkleren wolten, was wir vom grosf(ursten) begerten, doruf shie geandewordet, das wir beten umb alle die Liflande so seiner Regierung damalen untherwurffen, welliche auß befelh des Grosf(ursten) strackes unß abgeschlagen und nach langwiriger underedung unß entlich das hauß und gebiete Overpalen angeboten, mid diessem bedinge wir uns allsdhan mid ime widder alle seine feinde vorbinden sollten, dar unß aber sollichs nicht annemlich, sollten wir widderumb unsere strasse und wegk nach Lifland nemen.

⁸ Ensen F. P. Hertug Magnus af Holstens... P. 55–57.

Allso wir sodans vernomen, hadten wir an I. Tauve und E. Krausen. geschicket Inen erinnert, mid was gutten worten, grossen gelubde sie uns uber die grentze gebracht, weiln uns dan sollche schimpffliche hendele midt nichte anzunemende, so wollten shie dorumme sein, damid Irer zusage, verfolg und genug ge[1r]schehen oder wir friedesam mide allen unsenn beihabenden uber die grentze widderumb gebrachten werden mugten, und haben gemellte Tauve und Kruse uns zuentbieten lassen, whie shie nicht gelaubten der Grosf(urst) so wankelmudich sein sollte. Es stunden aller fursten hertzen in gottes henden, und fur ire person konten shie itz nicht mere darbei thuen, rieten trewlich wir uns des Grosf(ursten) willen nicht widdersetzed. Es wurde doch alles noch entlich erfolgen, der Grosf(urst) wollte fur erst unsern treuwe sehen, da wir uns aber itziger zeitd nicht bequemed. werhe nichts gewissers. Man wurde uns woll frei uß der Muschow zihen lassen, aber man wurde unß ballde wenden und midt allen den unsen uf die tattersche grentze unserm gantzen herkomende zum schimpff in ewige dienstbarkeit schicken und brengen lassen. Diß und nichts gewissers hetten wir zuhoffende.

In was hertzleid und weheklagende schmerzen wir allda geraten und whie unser hertze gestanden und whie gerne wir uns widderumb uf dem teudschen boddenn gewünschet, [2v] lassen wir urteilen diejenigen, so an denn Barbarischen ortern midt deme Grosf(ursten) zu thunde gehabt.

Da wir nun unß so erbarmlich verfluere gesehen und I. Tauve bei unß seiner des Grosf(ursten) brudertochter diesser gestaltdt erwenet, soferne wir unß mid ime befreundten, so werhe nicht zu zweifelende, man wurde unß nicht allein etzliche tonne golldes an braudtschatze, sonden was wir an landen und leuten bitten wurden zuwenden. Und die ewige tatterische gefencknis unß anzunemede beschwerlich zu seinde bei uns ermessen.

Da haben wir in allem, was man uns furgehallten, bewilligen müssen und had der Grosfurst unß durch etzliche seiner Rethen anzeigen lassen, das ehr sein erbe das noch ubrige Liefland, dan also pflaget ehr Lifland zu nennen, durch gutte oder gewalt under seine regierunge zu bringende entschlossen, wollte unß midt demselbigen nichts aussenbescheiden begnadigen. Nun waren wir in hohester nod und gefhar, also auch da wir unserm stadtlichen zukomende und deme gantzen hause zu Holstein zum hohen schimpff nicht wollten ewig gefangen sein, wir nicht mer dabei allse ime zu [2r] bequemed. thun konten, da doch gleich wir midt deme Almechtigen und allen unsern Rethen in warheit bezeugen können, wir in unserem einzuge die geringsten gedancken nicht gehabt, wir von dem ubrigen Lifland das geringste sollten begeret haben, und ist der Reussische brieff daruf die Kreutzkussunge gerichtede, erstlich gefertiget.

Also aber daselbige von E. Krausen ins teudsche gebracht und wir gesehen, das das schtiffte Churlandt, Osel und Wieck midt darinne vorleibet, haben wir unß deses darumb beschwert, das dieselbigen der K. w. zu Denmarck etc. schutz underworffen, daruf man unß zur andtword gegeben, es werhe also im Reussischen briffe, so konte nicht geendert werden, wir sollten zu der Creutzkussuge eilen. Es sesse der Grosf(urst) in seiner Maiestad, erwartete unser zukunft etc. Und haben wir also eilen und uf das Kreutze darunter beide Teudsche und Reussische brieffe inn einer sielbern schussel gelegen, kussen müssen. Seinn darnach in ein gros gemach gefhuret, da alle des Grosf(ursten) Rethen zu unß gekommen und angezeigen, der K. Grosfurst liesse unß fur einen Kunich zu Liflan(d) außruffen [3v] und begnadigte unß

midt seiner brudertochter und gleich unß dies alles unvermudtlich, also sein wir daruber von hertzen verschrocken, dann wir leiderlich erwegen kontenn, welch ann bludich reiche dasselbige sein wurde so man mid deme schwerde erholen muste.

Zudeme ward unß die braut one jenige grundtliche vorberedung angeboten, haben unß derhalben kegen die abgefertigte Rethе erkleret, whie wir den kuniglichen titel nicht begerten musten, auch wegen der verheiratung fur erst untherredung mid deme Grosf(ursten) haben etc.

Derwegen unß der Grosfurst widderumb fur sich kommen und fragen lassen, was wir fur einen braudtschatz an gellde begerten. Ist verbleiben uf funf tonne golldes. Whie dieß alles fullennzien und Tauve und Krause deme Gros(fursten) vermeldt. [3r]

WAS SICH NACH DER CREUTZKUSSUNGE ZUGETRAGEN

Allso die Creutzkussunge geschehen und Tauve und Krause deme Grosf(ursten) sowoll unß vermeldet, shie gewiss werhen, da der Grosf(urst) die stadt Revel mid einem teudtschen fursten versehen konte, der allßda dieselbige der schwedische regierung uberdrussig sich des Grosf(ursten) schutzes erfrewen wollte.

Hadt der Grosf(urst) unß etzlich Reussisch krigsfolch auch gelltd, teudtsch krigsfolch zu bestellende, zugeordnet und behole die stadt Revel zu belagernde.

Wir haben aber nach deme wir was Tauve und Krause sich in der Muschow vernemen lassen an die stad geschrieben, das widderspil erfahren.

Derhalben der Grosfurst ist unß mehr krigsfolch zugeschicket, welche in irer ankunft unser heuslein fegefур gar außgeplundert, unß uf etzliche tausendt taler wird uf demeselben genomen, auch unser teudtschen hoffeleuten, deren wir 4 fhanen gehabt, allerlei beschwerung zugefugt, viele uf der futterung mordtlich erwurget, und haben sich die sachen bereidt fur Revel fast ansehen lassen, also wollten sich teudtschen und reussischen in die taure schwerich vergleichen [4v].

Also wir nun den gantzen winder Revel belagert und der Gros(furst), whieder Krimische Tatter ferhanden anwarnung bekommen, hadt ehr sein krigsfolch abgefurdert und sein wir mid unsern bestelerten hoffeleute in unser gebiete Overpalen gezogen, dieselbigen den gantzen sommer daselbst midt schwerer unkostnung erhallten bis Tauve und Krause a(nn)o 71 den tag Ursuae in der stadt Derpte gefallen, dieselbe ein erbarmlich bludtbad gestiffet mid allen den iren darvon gezogen, unß der wir umb den handel im geringsten nicht gewust, im stiche gelassen.

Nun war in Overpalen ein so schwere pestilentie, das auch die lichte uf unserm tische fur gift außlesschede und viele unser junckern dhahin sturben. Darumb wir an den Derptischen woiwodden geschrieben, das ehr unß einen gesunden ordt im stifte zu Derptd vergonnen wollte, da wir unß fur die pest erhallten muhten, dasßelbige war hinuf an den Grosf(ursten) gelangett.

Und weiln Tauve und Krause alle der Reussen gemuetere kegen die Teudtschen vorbittert, man es auch dafür achtende, weiln wir Tauve und Krause [4r] fur unsere uberste Rethе hiellten, wir midt umb den einfall wissen musten, und der Grosfurst in sich ein Tyranne viele one jenich verhor da hinrichtet.

So haben wir mid allen teudtschen so im Overpalschen gebiete gelegen, unß eilend ufmachen und das Overpalsche gebiete, ausserhalb das wir einen starcken zusatz uf demme hause gelassen reumen, unß durch feinde lande nach unserm lendlein osel begeben müssen.

Von Osel ab haben wir an Tauven und Krausen, die bereidt auß deme stifte Derpte ins ertzstifte gezogen, geschrieben. Weiln shie uns erstlich an den Grosf(ursten) gebracht. Nun einen unvermudlichen und unß unwissenden einfal in der stadt Derpt gethon, vom Grosfursten abgezogen, so begerten wir von Inen, auß was ursach der einfal geschehen, wor shie Iren zug hin gerichtet und was wir unß weiter verhalten sollten, verstediget zu seinde.

Daruf shie geantwortet, whie der Grosfurst etzliche Tatternn alle Teudtschen in Lifland gefencklich zu verfhurende abgefertigett, [5v] darumb sie den einfal gethan, und sie hetten sich zu der Crone Polen gewandt, rieten wir beim H. Romischen Reiche bleiben sollten.

So ballde die Reussen unsern abzug vernomen, haben shie das haus Overpalen belagerdt und demme Grosfursten einzuanthwordende ufgefo(r)ddert. Es haben aber die unsere sich menlich darauf gehalten, zu mermalen mid inen schermutzelltd, viele erlagen, uber hundert hakenschutzen in eine fieße verseuffet, und das hauß erhallten biß der Grosfurst die seinen abgemanett.

WAS SICH NACH UNSEREN OVERPALSCHEN ABZUGE ZUGETRAGEN

Wir haben auch von Osel ab, ingeichen haben wir auch unsern vorigen zustand summarie an alle unsere blutsverwandten, sowoll die ko. w. zu Polen, Rad und trost daselbst zuerholende gelangen lassen.

Midtlerweil kumpt ein schreibende vom Grosfursten diesses inhalttes, das der Grosf(urst) leiderlich bei sich ermessen [5r] konte, wir auß forchte wegen des blutbades, so Tauve und Krause zu Derpte gestifte(t), vorgewichen. Also aber ehr der Grosfurst uns in deme woll entschuldiget neme, so begerte ehr wir widderumb uns nu in begeben sollten, ehr wollte uns begnedigen midt seiner grossen begnadigung.

Zu demme schreibende haben wir geantwortet, das wir nicht alleine auß furcht, sondern viele mehr wegen der grossen pest, darinne wir zu Overpalen geschwebet, hetten nach Osel weichen mussten, in sonderheitt weiln wir im stifte Derpte keinen gesunden ordt, da wir unß midt denn unsern erhallten können, hetten mügen erlangen.

Das ehr unß wegen des blutbades entschuldigen neme, werhe darumb nicht unbillig, das wir oder unsen rethe ime geringsten von den blutigen handeln nicht gewust, auch whie wir mid Godt bezeugenden kein gefallen darob hetten, konten dennoch, da man die Teuschen durch die Tattern, vermügen Tauve und Krause bericht, hette wollen gefencklich verfhuren lassen, dassebige auch nicht billigen.

Was aber unser widderkunft belanget, hatten wir an unsere blutsverwandten unser post abgefertiget [6v], wellicherer ankunft wir uf Osel musten gevertig sein, baten ehr deshalb keine ungnade kegen uns fassen wollte.

Nicht lange darnach schreibet ehr gantz kurtz, das keine Tattern die Teuschen zu verfhurende jemaln verhanden gewesen, ehr neme unß in allen sachen woll entschuldiget, wir solen aber denselbigen winter widderumb zu Overpalen uns einstellen oder ehr wollte uns

besuchen lassen, ob dassellbige mid unserm showoll der unseren forteil geschehen wurde, hetten wir zugewartende.

Diß schreiben haben wir eine raume zeitd unbeantwortet gelassen, biß der schwedische stadthallter zu Revell zwei gesandten (Dietrich. — М. Б.) Kauer uns Heinrich Ruten, rithmeister, an unß mid diessem gewerben abgefertigett. Da wir unß nicht widderumb zu deme Muschowiter wenden, sondern unß der Cron Schweden verwandt machen wollten, allßdan wollte ehr, der stadthallter, die sachen hohestes fleisses befurdern hellffen.

Denselbigen gesandten haben wir zum aberscheide gegeben, da man unß das wir uns von den schwedischen ortern nichts feindliches zu befharende, [6r] die Ko. w., da wir vom Muschowiter verfollet wurden, die feindliche gewald abtreiben und sich sonst in allen gutten kegen uns erklern wurde, sollichs alles unter kuniglichen siegel und handzeichen brengen konte. Allsda wollten wir unß gleich sollichs unß fur denne gantzen H. Romischen Reiche, unsern herrn bludtsverwandten und alle ehrlibenden rhumblich darauf erklern, weiln aber der Muschowiter fast in unß drengede, so wollten wir unsere gesandten zu abfertigen, fleiß vorzuwandende den frieden zwischen ime und der k. w. zu Schweden zu begreifende oder in ufzuhaltende. Ist auch die Instructio, also ballde gefertigett und den gesandten vorgelesen wurde.

Diessen aberscheidt haben die gesandten uber eiß auch midt nachschleippige eines botes an die k. w. zu Schweden und was darauf erfollgede an unß zu brengende zugesagt und sich versprochen: es gescheht a(nn)o 72 in der woche fur Esto mihi (Dominica. — М. Б.).

Unsere gesandten, so ballde dieselbigen zu Nowgarten angelangt, sein vier wochen eingelacht, darnach ein weit oder 2 ufgestadet geworden, ist inen ein schreibende vome Grosf(ursten) an unß lautende durch Jurgen Farensbek, deme Rithmeister, so vom Grosf(ursten) gekommen, [7v] dieses einhalts zugestelleth geworden. Wir soltten keine gesandten schicken, ehr wollte uns besuchen lassen.

Und sein unsere abgefertigten daselbst im hohesten gefhar gestanden, dennoch nach der Schlawodda an den grosf(ursten) verreiseden.

Und hadt der Grosf(urst) unsern abzug von Overpal(en) unß auch wegen des derptischen bludtbads entschull(di)get genommen, von unß endlich begert, wir widderumb nach Overpalen unß begeben soltten. Midt deme schweden, da ehr jemand an in abfertigen wurde, konte es woll zum friede geraten.

Allse wir nun uf Ossel den gantzen winter verharret, keine bescheidt von unsern bludtsverwandten, allein ein schreiben von der ko. w. zu Pol(e)n, darauß wir nichts viele trostes vernemen konten, erlanget, haben wir biß an Pfingsten daselbst verweilet und aus Schweden gleichfals gar kein bescheidt bekommen, darauß wir dan keine sonderliche freundschaft erspuren mugen, sein also in schmerzlichen sorgen gestanden, das schwedische krigsfolch uf demme landt Osel, gleich wir tegliche kundtschaf bekomen, unß belagern und weiln Araßborg unbespeiset, auch grosser hunger uf denne landten, unser habhaft, werden muchte, und und haben also endlich uns widderumb, weiln wir unß von mennichlichen verlassen [7r] gesehen, nach unserm hause Overpalen begeben, vertrawlich bei deme schwedischen revelschen stadthallter umb erklerung der k. w. zu Schweden gemutes anhallten, was auch wegen der friedes unsere gesandten midtgebracht erofnen lassen.

WAS SICH NACH UNSERM OSELSCHEN ABZUG ZUGETRAGEN

Im Overpaln haben wir denn gantzen sommer verweileth, auch unsere post von unsern bludtsverwandten, die dan ein hertzlich midtleidten mid unserm zustande gehabt und das wir unß kunfftlich woll fursehen sollten gerahten, widderumb erlangt. Das schwedische Kriegsfolch hadt sich zu Revel und Weissenstein gestercket, hadt das Overpalische gebiete zu oftermalen außgeplundert, sein auch vorhabent gewesen, unß uf deme hause zobelagernde, derwegen wir durch die nach unß nach Derpte begeben und die Russen umb entsadtz anruffen müssen.

Und had der Grosfurst dem Derptischen woiwodden unß uf ein dorffe, derwegen Tauve und Krausen geschenes einfalles man unß zu Derpte nicht had dullden wollte, zulagernde befholen, da man unß fast hard had bewachen lassen. [8v].

Midtlerweil das schwedische krigsfolch im overpalischen und weysenbergischen auch laischen teglich streuffet, treibt der grosfurst seine gantze macht zusammende, schreibet an uns, wir unß nach der Pleskow und darnach nach Jammogorod an in begeben und widder den schweden mid ime ufzihen sollten. Had unß biß zur Pleskow einen pristaff, Iwan Koltofsch genann, des schwester ehr genomen, damid wir woll zufrieden, zugeordentt.

Nicht lange darnach lest ehr denselbig von uns nemen und versorget unß mid einem ehrlosen, godtlosen tyrannischen buben, Constantin geheissen, der unß mid unsern beihabenden von der Pleskow nach Jamegorod gefhuert, unß mid denn unsern uberauß ser ubel, whie sich es anließ auß des Grosf(ursten) befhelich gehalten.

Zu Jamegorod had ehr unß fur sich bescheiden, nicht viele mid unß geredet, sondern whie ehr seine tyrannische trucken schwerlich kegen unß verhalten konnen, sich vermerk lassen, had unß mid den woiwodden und boiaren das gemach eilend zureumende, durch niderschlagung einer langen pitz(schen) anzeigung gegeben <...>.

<...> выяснив это, мы направились с Эзеля в Дерпт, куда (прибыли. — М. Б.) на Пасху (15)70 года. Того же мнения придерживался также и Иоганн Таубе.

Что за дела велись с великим князем в Москве

После того как мы провели определенное время в Дерпте и нас затребовали к великому князю в Москву, Иоганн Таубе за время пути очень часто нам говорил, что мы едем к е(го) к(няжеской) м(илости) в качестве князя, и есть надежда, что обратно его княжеская милость отправит нас в королевском звании. Но по поводу сказанного им мы не могли узнать ничего достоверного.

Когда мы добрались до Москвы, нам дали один день отдохнуть, после чего великий князь соизволил пригласить нас на обед, и поскольку было бы плохим изъявлением благодарности с нашей стороны не пожелать здоровья его княжескому величеству за то, что, принимая в княжеских владениях, нас полностью обеспечивали всем необходимым.

На четвертый день он пожелал, чтобы мы назначили нескольких наших советников для обсуждения дела между ним и нами при посредничестве его советников, посланных для этой цели. Когда же его советники встретились с нашими (советниками. — М. Б.) в особом доме (*in ein sonderlich hauß*), (расположенном. — М. Б.) перед московским Кремлем, его советники пожелали, чтобы наши советники от нашего имени пояснили, чего мы хотим от великого князя, на что те отвечали, что мы просим все ливонские земли, к тому времени подчиненные его (великого князя. — М. Б.) власти. Те же по приказу великого князя нам отказали и под конец, после долгих переговоров, предложили нам замок (*hauß*) и область Оберпален с тем условием, чтобы мы всегда пребывали с ним в союзе против всех его врагов, а если это для нас неприемлемо, отправлялись бы в обратную путь-дорогу в Ливонию.

Услышав подобное, мы послали к И. Таубе и Э. Крузе напоминание о тех добрых словах и великих посулах (*gelubde*), которыми они нас переместили за границу, чтобы они, поскольку для нас было совершенно невозможно принять столь оскорбительное условие, изволили сделать так, чтобы это дело велось и завершилось в соответствии с их обещаниями, или же чтобы нас со всеми нашими спутниками могли беспрепятственно переправить назад через границу. И упомянутые Таубе и Крузе просили у нас извинения за то, что не думали, что великий князь столь непостоянен (*wankelmudich*). Сердца всех государей находятся, дескать, в Божьих руках, и в отношении их персон они в настоящий момент не могут ничего больше сделать, кроме как верноподданнически советовали нам не противиться воле великого князя. Но это все было еще не конец: великий князь пожелал сперва узреть нашу верность, поскольку о нас, якобы, в те времена не было известно ничего положительного. Нам позволили совершенно свободно уехать из Москвы, но вскоре нас развернули и повелели нас и со всеми нашими (спутниками. — М. Б.) в поношение нашему происхождению послать и доставить на татарскую границу для вечного служения. И мы должны были удовольствоваться этим и ничем иным.

Судить о том, с каким сокрушением в сердце и с какой порождавшей жалобные сетования болью мы тогда пребывали, и как наше сердце остановилось, и как сильно мы желали вновь оказаться на немецкой земле, мы оставляем тем, кто в варварских краях имел дело с великим князем.

Тогда как мы видели себя столь подло обманутыми, И. Таубе обмолвился при нас о своем проекте относительно дочери брата великого князя, что, дескать, если мы с ним подружимся, то не будет сомнений в том, что нам не только предоставят несколько бочонков золота в качестве приданого, но и то, что мы будем просить касательно земли и людей. и нас избавят от вечного татарского плена, который мы должны были бы принять.

Тогда мы должны были согласиться на все то, чего от нас добивались, и великий князь через некоторых своих советников повелел указать, что он постановил свою «отчину» (*erbe*) Ливонию, поскольку он имеет обыкновение так Ливонию называть, всю целиком привести под свое управление добром либо силой и хочет нас ею пожаловать, ничего не отделяя (*nichts aussenbescheiden*). Поскольку тогда мы пребывали в крайней нужде и опасности, а кроме того не желали вечного пребывания в плену

к великому поношению полагающегося нам величия и всего Голштинского дома, мы не могли тут ничего сделать, кроме как ему угодить, хотя мы могли бы призвать в свидетели наряду с Всевышним всех наших советников (и поклониться. — *М. Б.*) в том, что у нас во время нашего приезда (в Россию. — *М. Б.*) не было ни малейшей мысли о том, чтобы желать для себя и самой малой части от всей Ливонии, и что русская грамота на этот счет была изготовлена только в связи с крестоцелованием.

Когда же Э. Крузе перевел ее для нас на немецкий язык, и мы увидели, что в ней значатся также курляндская епархия, Эзель и Вик, мы испытали затруднение, поскольку они пользовались защитой его королевского величества короля Дании и т. д., на что нам был дан ответ, что, поскольку так значится в русской грамоте, ничего нельзя изменить и нам следует поспешить к крестоцелованию, что великий князь в величии своем ожидает нашего прибытия и т. д. Мы, таким образом, поспешили и должны были целовать крест, под которым помещались грамоты на немецком и русском языках в серебряном ларце, после чего нас отвели в большой зал, куда к нам пришли все советники великого князя и указали, что царь и великий князь приказал провозгласить нас королем Ливонии [3] и пожаловал нас дочерью своего брата и т. д., и все это для нас было в равной степени неожиданно (*unvermuedtlich*). Мы были сильно этим напуганы, тем более что с прискорбием осознавали, что она (Ливония. — *М. Б.*) будет в составе такого кровавого царства, где ее станут врачевать мечом.

Поскольку невеста была предложена нам без какого бы то ни было положенного предварительного обсуждения, нам в связи с этим через присланных советников пояснили, что нам не следует желать королевского титула прежде переговоров с великим князем о женитьбе.

По этому поводу великий князь повелел нам вновь прибыть к нему и спросил, сколько денег нам желательно получить в приданое. Согласились на пяти бочонках золота. Как это все привести в исполнение, Таубе и Крузе сообщили великому князю [3v].

ЧТО ПОСЛЕДОВАЛО ЗА КРЕСТОЦЕЛОВАНИЕМ

Когда крестоцелование совершилось, Таубе и Крузе сообщили великому князю, а также нам, что они уведомлены о том, что великий князь может ныне наделить немецким князем город Ревель, (так?) который, устав от шведского владычества, вверит себя под защиту великого князя. Великий князь повелел предоставить нам некоторое количество русских войск, а также деньги для вербовки немецких солдат, и осадить город Ревель.

Мы же, после того как выслушали Таубе и Крузе в Москве, велели написать в город и узнали нечто противоположное (*widderspil*).

В связи с этим великий князь прислал нам больше воинских людей, которые во время своего пребывания полностью разграбили нашу усадьбу (*hauslein*) Фегефойер («Чистилище»), причинив нам тем самым урон в несколько тысяч талеров, а также доставили всяческие затруднения нашим немецким лейб-гвардейцам (*hoffeleute*), которых у нас было 4 роты (*ghanen*), поубивали многих при заготовках фуража. Мы могли

бы смотреть на дела с Ревелем как на почти законченные, когда б немцы и русские захотели помириться хотя бы на время [4].

И так мы осаждали Ревель целую зиму, но когда великий князь получил уведомление о новом вторжении крымских татар, он отозвал свои войска, а мы с наверхованными лейб-гвардейцами отступили в нашу область Оберпален и тяжелой ценой удерживали его на протяжении всего лета, пока Таубе и Крузе не напали на Дерпт в день св. Урсулы 1571 года и вместе с теми, кто за ними следовал, без всякой жалости устроили в нем кровавую баню, бросив нас, кто об этом деле не имел ни малейшего понятия, на произвол судьбы.

Тогда в Оберпалене случилась такая страшная чума, что даже светильники на нашем столе источали яд, и многие из наших юнкеров из-за этого умерли. Поэтому мы писали дерптскому воеводе, чтобы он выделил нам здоровое место в дерптской епархии, где мы могли бы оправиться от чумы, и тот обратился по этому поводу к великому князю.

И поскольку Таубе и Крузе сильно ожесточили всех русских против немцев, обратили внимание на то, что мы якобы, поскольку считали Таубе и Крузе [4v] нашими важнейшими советниками, должны были знать о нападении, а великий князь, будучи по природе тираном, многих за то без какого-либо разбирательства казнил.

И поэтому мы со всеми немцами, находившимися в области Оберпален, должны были спешно собраться и покинуть округ Оберпалена, оставив в замке, однако, сильный гарнизон, и двинуться через вражескую территорию в свои владения (*lendlein*) на Эзеле.

С Эзеля мы написали Таубе и Крузе, которые уже отступили из дерптской епархии в пределы (рижского. — М. Б.) архиепископства, что раз они сперва доставили нас к великому князю, а ныне, совершив непредвиденное нами и неизвестное нам нападение на город Дерпт, отступили от великого князя, то мы желаем знать от них самих, по какой причине совершилось нападение, куда они направляют свой поход и как нам дальше надлежит поступать.

На это они отвечали, что поскольку великий князь снарядил несколько тысяч татар пленить и угнать всех ливонских немцев, [5] они совершили нападение и обратились к Польской Короне, а нам советовали оставаться в Священной Римской империи.

Как только русские узнали про наше отступление, они осадили замок Оберпален и призывали великого князя их поддержать. Наши же люди держались при этом мужественно, множество раз вступали с ними в перестрелку, многие погибли, свыше сотни стрельцов (*hakenschutzen*) потопили в реке и удерживали замок до тех пор, пока великий князь не отозвал своих.

Что произошло вслед за нашим отъездом из Оберпалена

С Эзеля же мы также приказали направить суммарное описание (*summarie*) нашего прежнего положения всем нашим кровным родичам, а также его королевскому величеству королю Польскому в надежде получить помощь и утешение.

Между тем от великого князя прибыло послание следующего содержания: великий князь к прискорбию своему сумел узнать [5v], что мы уехали из страха за кровавую баню, которую Таубе и Крузе устроили в Дерпте, а потому он, великий князь, нас за то полностью милует и желает, чтобы мы вновь прибыли к нему, поскольку хочет пожаловать нас своей великой милостью.

На это послание мы отвечали, что должны были отступить на Эзель не из-за одного только страха, но много больше по причине чумы, которой мы заразились в Оберпалене, а в особенности потому, что не смогли получить в дерптской епархии здорового места, где могли бы оправиться (от болезни. — М. Б.) вместе с нашими (людьми. — М. Б.).

То, что он нас прощает за кровавую баню, не является справедливым, потому что мы и наши советники совсем ничего не знали о кровавых делах, а также — что мы Бога призывали в свидетели, что не нападали на него. То, что он захотел за то руками татар пленить немцев и угнать оттуда, как о том сообщают Таубе и Крузе, также не является справедливым.

Что же касается нашего возвращения, то мы направили нашим кровным родичам свое послание [6], ответ на которое мы должны ожидать на Эзеле, и просили его не налагать на нас за то опалы (*ungnade*).

Вскоре после этого он написал очень коротко, что никогда не поручал татарам угонять немцев и что прощает нас полностью за все дела, но нам следует в ту же зиму вновь занять Оберпален или он повелевал, чтобы мы посетили его. Мы терпеливо ждали, обернется ли это выгодой для нас, равно как и для наших (людей. — М. Б.).

Это письмо на протяжении некоторого времени мы оставляли неотвеченным, а тем временем шведский наместник в Ревеле направил к нам в качестве посланцев двух ратманов, (Дитриха. — М. Б.) Кауера и Генриха Рутена, и предложил, чтобы мы в том случае, если не захотим вновь обращаться к Московиту (*Muschowiter*), породнились со шведской Короной, чему он, наместник, хотел бы с преогромным усердием поспособствовать.

Этим посланцам мы сообщили в ответ, что раз нам со стороны шведских владений не чинилось никакой вражды, [6v] пусть его королевское величество, поскольку мы подвергаемся преследованию со стороны Московита, отобьет вражеские силы, а главным образом, пусть отзывается о нас во всех положительных (смыслах. — М. Б.), по возможности, снабжая все это королевской печатью и подписью. Тогда же мы захотели точно также оправдать свое поведение перед всей Священной Римской империей, господами нашими кровными родичами и всеми честными людьми, но поскольку Московит почти вторгся к нам, мы пожелали направить своих послов к великому князю, чтобы ревностно способствовать заключению мира между великим князем и его королевским величеством (королем. — М. Б.) Швеции или пребывать при нем. Вскоре такого рода инструкция (*Instructio*) была подготовлена и зачтена послам.

Отъезд эти послы осуществили по льду в свите посла, (направлявшегося. — М. Б.) к его королевскому величеству королю Швеции, пообещав и взяв на себя обязательство сообщать нам, что из этого последует. Это случилось в (15)72 году, на неделе перед *Esto mihi* (*Dominica*, 17 февраля. — М. Б.).

После того как наши посланцы достигли Новгорода, они оставались там четыре недели, после чего на расстоянии одной или двух миль им через ратмана Юргена Фаренсбека, который прибыл от великого князя, было вручено послание великого князя, предназначенное для нас, [7] следующего содержания: мы не должны были направлять посланцев, (поскольку. — М. Б.) он хотел, чтобы мы его посетили (лично. — М. Б.). Наши посланцы пребывали в огромной опасности, но, несмотря на это, направились к великому князю в (Александрову. — М. Б.) слободу (*Schlawodda*), и великий князь простил нам наш отъезд из Оберпалена, равно как и дерптскую кровавую баню, и под конец пожелал, чтобы мы вновь вернулись в Оберпален. (Дело. — М. Б.) со Шведом, который кого-то к нему снаряжал, могло, возможно, увенчаться миром.

На Эзеле мы оставались всю зиму, и за это время не было получено сообщения от наших кровных родственников, только послание от его величества короля Польского, из которого мы могли почерпнуть мало утешительного. Мы прождали до Троицы, но ответа из Швеции также не получили, в чем не ощущалось особой дружбы. И пока мы, таким образом, пребывали в мучительных заботах, шведские войска, как мы о том получали ежедневные известия, захотели осадить нас на Эзеле и, поскольку в Аренсбурге не было продовольствия, а великий голод мог случиться также в сельской местности наших владений, мы, в конце концов, видя себя всеми оставленными [7v], вновь направились в наш замок Оберпален, доверительно позволив открыть шведскому наместнику в Ревеле то, что узнают наши посланцы, направленные для получения отзыва от шведского короля и по поводу заключения мира.

Что последовало после нашего отъезда в ОБЕРПАЛЕН

В Оберпалене мы провели все лето, а также получили почту от наших кровных родственников, которые выражали сердечное сочувствие по поводу нашего состояния и советовали, чтобы в будущем мы, со своей стороны, вели себя осторожно.

Шведские войска в Ревеле и Вейсенштейне, получив подкрепление, множество раз подвергали разграблению область Оберпалена и даже имели намерение осадить нас в замке, из-за чего мы должны были направиться в Дерпт и взывать к русским о помощи.

Поскольку из-за совершенного Таубе и Крузе нападения нас в Дерпте не хотели якобы терпеть, великий князь приказал дерптскому воеводе расположить нас в деревне, где нас полагалось очень строго охранять. [8]

Поскольку тем временем шведские отряды ежедневно совершали нападения на оберпаленцев, вейсенбергцев, а также лаисцев, великий князь собирает все свои силы и пишет нам, чтобы мы направлялись во Псков, а потом к нему в Ямгород (*Jammogorod*), чтобы выступить вместе с ним против шведов. (Провожать. — М. Б.) нас до Пскова был назначен пристав по имени Иван Колтовский (*Iwan Koltoffschen*), чью сестру он (царь. — М. Б.) взял (в жены. — М. Б.), чем мы были очень довольны.

Вскоре после этого он приказывает его от нас забрать и препоручает нас одному бесчестному, безбожному, тираничному злодею (*buben*) по имени Константин, который провожал нас вместе с нашими спутниками от Пскова до Ямгорода и держался

с нами и нашими (людьми. — М. Б.) еще более дурно, чем это следовало из приказа великого князя.

В Ямгороде он держал нас при себе, не много с нами совещался, но постоянно предпринимал в отношении нас тиранические трюки, о которых можно судить по такому случаю: он дал нам с воеводами и боярами указание спешно освободить горницу, угрожая длительным бичеванием <...>.

Данные о статье

Автор: Бессуднова, Марина Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Липецкого государственного педагогического университета, Липецк, Россия, magistrmb@gmail.com

Заголовок: «Апология» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива

Резюме: В статье приводится оригинальный текст и русский перевод фрагмента «Апологии» «ливонского короля» Магнуса Голштинского из Шведского Государственного архива в Стокгольме. В силу ряда расхождений с текстом полной версии указанного сочинения, оригинал которого хранится в копенгагенском Государственном архиве, шведский вариант можно считать его особой, более ранней редакцией.

Ключевые слова: Магнус Голштинский, Иван Грозный, Ливонская война

Литература, использованная в статье

Бессуднова, Марина Борисовна. «Livo-Moscovitica» в Шведском Государственном архиве (Стокгольм) // Архивы и история Российской государственности. Вып. 3. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2012. С. 17–27.

Форстен, Георгий Васильевич. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева и К°, 1893. 731 с.

Adamson, Andres. The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract). Tallinn: TLÜ KIRJASTUS, 2006. 18 p.

Angermann, Norbert. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg/Lahn: Elwert Verlag, 1972. 134 s.

Busse K. H., von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1855. Bd. 8. S. 240–301.

Donnert, Erich. Der livländische Ordenritterstaat und Russland: der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin: Rütten & Loening, 1963. 320 s.

Ensen, Frede P. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme // Danske Magazin. 1975. Bd. 5. P. 54–83.

Hansen, Gotthard, von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revalsches Ratsarchivs // Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. 1887. Bd. 3. S. 264–329.

Hübner, Eckhard. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 313–334.

- Kirschner, Walther. The Rise of the Baltic Question. Newark: Delaware, 1954. 294 p.
- Renner, Ursula. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. S. 137–158.
- Schiemann, Theodor. Magnus, König von Livland // Schieman T. Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts. Mitau, 1877. S. 77–102.

Information about the article

Author: Bessudnova, Marina Borisovna — Ph. D. in History, Senior Researcher of Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia, magistrmb@gmail.com

Title: The «Apologia» of Magnus of Holstein from the Swedish National Archives

Summary: The article presents the original text and Russian translation of a fragment of the «Apologia» of the «King of Livonia» Magnus of Holstein from the Swedish National Archives in Stockholm. Due to some differences with the full version of the text works, the original of which is kept in the National Archives of Denmark in Copenhagen, the Swedish version of it can be considered a special, earlier edited.

Keywords: Magnus of Holstein, Ivan the Terrible, the Livonian War

References

- Bessudnova, Marina Borisovna. «Livo-Moscovitica» v Shvedskom Gosudarstvennom arkhive (Stokgolm) [«Livo-Moscovitica» in the Swedish State Archives (Stockholm)], in *Arkhivy i istoriya Rossiyskoy gosudarstvennosti*. Vol. 3. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2012. Pp. 17–27. (In Russian.)
- Forsten, Georgiy Vasilevich. *Baltiyskiy vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th centuries (1544–1648)]. T. 1. Saint-Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva i K^o, 1893. 731 p. (In Russian.)
- Adamson, Andres. *The Role of Duke Magnus of Holstein in the Baltic Sea Region During the Livonian War (Abstract)*. Tallinn: TLÜ KIRJASTUS, 2006. 18 p.
- Angermann, Norbert. *Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs*. Marburg/Lahn: Elwert Verlag, 1972. 134 s.
- Busse K. H., von. Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken, in *Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. 1855. Bd. 8. S. 240–301.
- Donnert, Erich. *Der livländische Ordenritterstaat und Russland: der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*. Berlin: Rütten & Loening, 1963. 320 s.
- Ensen, Frede P. Hertug Magnus af Holstens forsvarsskrift af 1579 om hans forhold til tsar Ivan den Grusomme, in *Danske Magazin*. 1975. Bd. 5. P. 54–83.
- Hansen, Gotthard, von. Johann Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revels 1570–1571 nach den Urkunden des revelsches Ratsarchivs, in *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*. 1887. Bd. 3. S. 264–329.
- Hübner, Eckhard. Zwischen allen Fronten: Magnus von Holstein als König von Livland, in *Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in*

Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 313–334.

Kirschner, Walther. *The Rise of the Baltic Question.* Newark: Delaware, 1954. 294 p.

Renner, Ursula. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj, in *Deutschland-Livland-Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg.* Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1988. S. 137–158.

Schiemann, Theodor. Magnus, König von Livland, in Schiemann T. (ed.). *Characterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechszehnten Jahrhunderts.* Mitau, 1877. S. 77–102.